

Такого человека ни в коем случае нельзя снова отпускать в Юйцзэ, чтобы он не стал врагом Сяо Чжигэ. Мысли Ань Чанцина мгновенно устремились вскачь, и идея созрела быстро. Он поднял юношу и спросил:

— Ты ведь не из Ецзина? И что произошло тогда на тракте?

Услышав, как раскрыли его тайну, Чжоу Хэлань слегка побледнел. Он поджал губы и пробормотал:

— Я... мы с матерью пришли в Ецзин искать отца, но в дороге она заболела. У меня не было медяка на лекарства, вот я и... и украл чужое зерно...

Казалось, ему было невыносимо стыдно признаваться в этом. Говоря о краже, Чжоу Хэлань залился краской и, испугавшись, что Ань Чанцин поймет его неправильно, заспешил со сбивчивыми объяснениями:

— Но я обязательно все верну! Как только матушка поправится, я наймусь работником в харчевню и все отдам...

К концу фразы его голос совершенно угас, а сам он повесил голову, словно поникший саженец. Если бы не утонченные, запоминающиеся черты лица и имя, точно совпавшее со слышанным ранее, Ань Чанцин ни за что бы не поверил, что этот парнишка, выглядящий даже младше него самого, в будущем станет жестким и решительным государственным наставником Юйцзэ.

Желание переманить его на свою сторону слегка поутихло, уступив место искренней жалости.

Ань Чанцин произнес:

— Тебе в таком виде... должно быть, нелегко найти работу?

Чжоу Хэлань вскинул на него взгляд и твердо ответил:

— Я буду искать дальше! Я могу делать все что угодно и не боюсь никакой тяжелой работы...

Ань Чанцин вздохнул и с улыбкой сказал:

— Может, пойдешь ко мне? Я собираюсь открыть несколько лавок, и мне как раз нужны люди. Платить буду наравне с остальными, жилье и еда — в поместье. Что скажешь?

Чжоу Хэлань резко поднял голову. Он долго молчал и лишь затем, сжав зубы, проговорил:

— Молодой господин, я безмерно благодарен вам за доброту. Вот только... на самом деле я... я из сицянцев.

Кем считались сицянцы, знали не только в самой Сицян, но и в соседнем Да Е. Именно поэтому они с матерью добрались до Ецзина через брань и презрительные взгляды. Когда мать тяжело заболела, никто не соглашался нанять его даже на самую черную работу, чтобы заработать на лекарства. Казалось, люди верили, будто любое общение с сицянцем запятнает их низостью.

Однако Ань Чанцин вовсе не скривился в отвращении, как ожидал юноша. Он спокойно произнес:

— Сицян — это Сицян, а здесь Да Е. У нас все иначе.

Чжоу Хэлань широко распахнул глаза. Его губы дрогнули, и он внезапно упал на колени, отвесив глубокий поклон:

— Я готов следовать за вами, молодой господин, и отныне исполнять любые ваши приказания!

Ань Чанцин вздрогнул от такой пылкости и поспешно поднял его:

— Сначала подлечись. Вот заживут раны, тогда и вернешься к службе.

Вспомнив об его больной матери, он с заботой спросил:

— А где твоя матушка? Вы показывали ее лекарю?

Радостное возбуждение Чжоу Хэланя тут же угасло:

— Показывал... Но лекарь сказал, что болезнь неизлечима, остается только поддерживать в ней жизнь снадобьями.

«Так вот в чем дело...» В прошлой жизни Ань Чанцин лишь слышал, что у государева наставника было низкое происхождение, но почти ничего не слышал о его матери. Должно быть, к тому времени ее уже не было в живых.

— В поместье князя есть лекарь Ху, он искусен в медицине. Если хочешь, заведи матушку и привези к нам, пусть лекарь Ху осмотрит ее.

Глаза Чжоу Хэланя вспыхнули надеждой:

— Я согласен!

Ань Чанцин похлопал его по плечу:

— Идти сможешь? Если да, то отправляйся со мной в поместье князя.

Чжоу Хэлань закивал без остановки. Беспокоясь о матери, он испугался, как бы Ань Чанцин не передумал, и поспешно поднялся, сделав пару шагов:

— Это пустяковая царапина, ничего страшного!

Ань Чанцин улыбнулся и увлек его за собой из дома лекаря.

Вернувшись в усадьбу, Ань Чанцин призвал управляющего и велел ему отобрать среди окрестных крестьян нескольких сообразительных девушек подходящего возраста для обучения. Когда в будущем матушка и сестра переберутся в усадьбу, у них будет прислуга под рукой.

Раздав мелкие поручения, он увидел подходившего Сяо Чжигэ. Ань Чанцин улыбнулся ему и указал на юношу:

— Это Чжоу Хэлань, отныне он будет при мне.

Сяо Чжигэ нахмурился и смерил Чжоу Хэланя взглядом, но ничего не сказал, лишь кивнул:

— Возвращаемся домой.

Так как Чжоу Хэлань был ранен, Ань Чанцин снова усадил его к себе в экипаж. На обратном

пути путь пролегал мимо деревни, где, по словам юноши, жила его матушка. Кавалькада повернула в деревню, но Чжоу Хэлань привел их к заброшенному разрушенному храму.

Храм полуобвалился, а оставшаяся половина едва держалась. В глубине строения солома и ветви образовали жалкое подобие шалаша. Там и лежала мать Чжоу Хэланя, повернувшись к стене, так что лица ее не было видно.

Чжоу Хэлань окликнул ее на сицянском языке, и женщина медленно повернулась, радостно отозвавшись в ответ.

Наблюдая со стороны, Ань Чанцин заметил, что черты лица у матери Чжоу Хэланя еще более выразительные: глубокие глазницы, высокий мостик носа и четко очерченный овал лица. Бледная кожа выдавала в ней типичную сицянку.

Чжоу Хэлань осторожно раздвинул солому с ветками и тихо заговорил с матерью. Женщина с трудом поднялась, отвесила Ань Чанцину глубокий поклон и на ломаном языке Да Е принялась выражать благодарность.

Видя, насколько она слаба, Ань Чанцин поспешно велел Чжоу Хэланю помочь ей подняться в карету.

Чжоу Хэлань признательно улыбнулся и снова собрался благодарить, но Ань Чанцин остановил его, сокрушаясь:

— Полно тебе, не стоит соблюдать эти лишние церемонии.

Лишь тогда Чжоу Хэлань утихомирился и помог матери устроиться в экипаже. Вещей у них в развалинах храма почти не водилось; парень лишь подхватил ветхий, но чистый узелок, да попросил у Ань Чанцина аванс, чтобы сходить в деревню и расплатиться с хозяином украденного зерна. Только после этого весь отряд снова отправился в путь.

Так как экипаж уступили матери с сыном, Ань Чанцину пришлось вновь сесть на одну лошадь с Сяо Чжигэ.

Каштановый конь весело помахивал хвостом, мерно поцокивая копытами. Ань Чанцин вспомнил, что по возвращении в город на него снова уставятся сотни странных взглядов, и подавленно попросил:

— Князь, обучите меня верховой езде как-нибудь на днях?

Сяо Чжигэ опустил взгляд. Ань Чанцин сидел к нему спиной, свесив голову, отчего обнажилась белоснежная шея, а несколько непослушных черных прядей прелестно рассыпались по ней. Если юноша научится ездить сам... потом этого уже не увидишь.

Сяо Чжигэ ответил:

— В ближайшие дни я занят.

Ань Чанцин особо не расстроился и небрежно бросил:

— Тогда попрошу Те Ху или Чжао Ши обучить меня.

Ехавший позади Чжао Ши вздрогнул, так что волосы на коже встали дыбом от ужаса.

И тут же услышал, как их князь совершенно бесстрастно произнес:

— Я сам научу.

Ань Чанцин растерялся:

— Но князь ведь только что сказал, что у него нет времени?

Сяо Чжигэ немного помолчал и вымолвил:

— Время найдется.

— ... — Ань Чанцин недоверчиво обернулся к нему.

Сяо Чжигэ встретился с ним взглядом и незаметно отвел глаза.

«Зачем учиться верховой езде? Разве со мной ездить плохо?»

Вернувшись в поместье князя, Ань Чанцин поручил Ван Фугую устроить Чжоу Хэланя с матерью в гостевом дворе и попросил Ху Шифэй зайти осмотреть больную. Затем он призвал маклера и подписал купчую на усадьбу.

С этого момента усадьба у горы Цинъюнь официально перешла в его владение.

Отдавая серебро, Ань Чанцин почувствовал некоторую неловкость, ведь деньги брались со счетов поместья. Хотя Сяо Чжигэ и разрешил ему тратить их по своему усмотрению, это все же было приобретение личного имущества, и Ань Чанцину казалось, будто он пользуется чужой щедростью.

Поэтому, когда маклер ушел, он несмело присел подле Сяо Чжигэ и тихо произнес:

— Считайте это деньгами, взятыми займы из казны поместья. Как только я заработаю свои, то сразу все верну.

— ...Не нужно возвращать, — взор Сяо Чжигэ потемнел.

Ань Чанцин ничего не заметил и с улыбкой заговорил:

— Если князь и впредь будет так мне попустительствовать, я ведь привыкну к роскоши, развращусь и стану безудержно сорить деньгами.

— Хм, — Сяо Чжигэ мельком глянул на него. — Сокровищницы поместья хватит на расточительность.

Ань Чанцин слегка опешил, а когда до него дошел смысл слов, вновь рассмеялся с искрящимися глазами:

— Но я вовсе не хочу, чтобы про меня в народных книжонках снова сочиняли сказки, будто Бэйчжань-ванфэй предается роскоши и думает лишь о развлечениях...

— Не дерзнут, — уголки губ Сяо Чжигэ тронула легкая улыбка под давлением его веселья. — Никто не смеет судачить о Бэйчжань-ванфэй.

Автор хочет сказать:

Трусишка: Неужели Но-но не любит меня? Почему он не хочет ездить со мной на одной лошади?

После покупки усадьбы у горы Цинъюнь Ань Чанцин нанял мастеров для ремонта и привел все в порядок. За уборкой и обустройством неощутимо наступил двенадцатый лунный месяц.

Приближался праздник Лаба, и из императорского дворца вышел указ — призвать Ань Чанцина и Сяо Чжигэ ко двору.

<http://bllate.org/book/18381/1767613>